

Андрей Белый

Поэзия Блока



Андрей Белый
Поэзия Блока

«Public Domain»

1917

Белый А.

Поэзия Блока / А. Белый — «Public Domain», 1917

«Книгоиздательство «Мусагет» выпустило недавно третью и последнюю книгу стихов Александра Блока. Шестнадцатилетие поэтических переживаний и дум налицо (все три книги стихов обнимают период от 1898 до 1914 г.). В продолжение 16 лет мы следили внимательно за этапами развития поэзии Александра Блока. И касаясь поэзии этой теперь, не хотелось бы мне отдаваться эмоциям...»

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	10
V	12
VI	13
VII	14
VIII	16

Андрей Белый

Поэзия Блока

I

Книгоиздательство «Мусагет» выпустило недавно третью и последнюю книгу стихов Александра Блока¹. Шестнадцатилетие поэтических переживаний и дум налицо (все три книги стихов обнимают период от 1898 до 1914 г.). В продолжение 16 лет мы следили внимательно за этапами развития поэзии Александра Блока. И касаясь поэзии этой теперь, не хотелось бы мне отдаваться эмоциям.

Быть пристрастным к поэзии Блока мне легко в обе стороны. Появление этой поэзии на моем горизонте совпадает с эпохой религиозных исканий в небольших, очень замкнутых, очень интимных кругах; в них стихи Александра Блока вызывали огромный интерес; в эту пору и был я особенным ценителем поэзии Блока, как позднее убежденно высказывал я ей свое противление (в эпоху 1906–1908 гг.).

Блок 1900–1904 гг., т. е. Блок первого тома, был для нас, молодежи, явлением исключительным; в это время можно было встретить «*блокистов*»: они видели в поэзии Блока заострение судеб русской музыки; разоблачились для них ее тайны; покрывало на лице ее было Блоком приподнято: ее лик оказался Софией Небесной, Премудростью древних гностиков. Блок для них оказался восторженным выразителем окончания поэзии как поэзии только, и ее восстания как начала, преобразующего самую душевную жизнь; предощущался в поэзии этой как бы новый завет человека с Софией не через голову, как в *фило-Софии*, а через сердце, любовь. Тема влюбленности переплеталась в поэзии этой с религиозно-философскими темами гностиков и Владимира Соловьева. Символизм той поэзии нашел в лице Блока своего идеального выразителя. Но в поэзии Блока впоследствии поднялось осмеяние своей собственной темы (в «Балаганчике», в «Нечаянной Радости»); лик *Прекрасной Дамы* разбился о какие-то встававшие трудности, из раскола хлынули ночь и туман, закрывая лучистую ясность пейзажа; пейзаж стал болотным, наполненным чертенятами и какими-то странными женскими персонажами, именуемыми то Незнакомкой, то Маской, то Ночью.

Блок 1905–1907 гг. показался предателем своих собственных светлых заветов; многие от него отшатнулись; превращение поэзии Блока в поэзию «*современную*» (его слияние с темами Брюсова, Сологуба, Бальмонта) совпадало с признанием его как поэта в более широких кругах: это вызвало искренний крик в его первых ценителях.

Десятилетие медленно выявляло подлинный центр качания маятника поэзии Блока; вспышки света и тьмы, Дева неба и Маска слились в выражении третьего лика; блоковская *Прекрасная Дама* оказалась абстракцией одного лишь момента мимики страдающей души русской жизни; *Проститутка* – абстракцией другого момента; подлинный лик его музыки оказался живой, многогранной, исполненной трагической жизни. Этот лик – лик России.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России...²

¹ Имеется в виду издание «Стихотворений» Блока в трех книгах (М.: Мусагет, 1916), последняя из которых вышла летом 1916 г.

² Первые строки стихотворения (1914).

Поэзия Блока – цветок страшных лет русской жизни: не удивительно, что в поэзии этой перепутаны Имя и *путь*; русская действительность зачастую была роковым смещением путей, нас ведущих к катастрофе в плане личном и социальном; выразителем смятенной души в ее *духе* и в *теле* был Блок. Как таковой, он – *единственный современный русский поэт*, единственный лирик душевных смятений, не уловимых словами.

Блок национальный поэт (слишком космополитичен для этого Брюсов, слишком умственен В. Иванов, слишком космичен Бальмонт, слишком лубочен Сергей Городецкий и т. д.); в некотором отношении Брюсов, Бальмонт и Иванов богаче: русская муза Блока стоит перед нами теперь и нага, и ница; но Блок ближе нам *бронированной* брюсовской формы, ивановских *пышных роз* и бальмонтова *блеска*; он нищ, как... Россия.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви!..
Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!
Пуškai заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...³

Блок полюбил нашу родину странной любовью: благословляющей и проклинаящей; и от этого любишь поэзию Блока той же странной любовью: благословляющей и проклинаящей. Поэзию Блока жалеть не умею: произношу подчас суровые приговоры ей; произнеся приговор, вижу ясно: я, русский, люблю поэзию эту – поэзию «*ветровую*», – как *слезы*»; чтобы не быть мне пристрастным, постараюсь я опираться на материал ее дум, ее лирики, ее красок и звуков.

³ «Россия» («Опять, как в годы золотые...», 1908).

II

Поэзия осуществляет задание: дать «единство в *многообразии*»; есть поэты «единства»; и их очень мало; поэзия *многообразий единства* – поэзия обычного типа; и она выявляет мозаичный портрет своей музы, слагаемый из отдельных мозаик-стихотворений. В первом периоде поэзии Александра Блока каждое стихотворение уподобляется не мозаике, а росинке, сполна отражающей цельный лик его Музы. Произнесено ее «*имярек*»; она – Дева, София, Владычица мира, Заря-Купина; ее жизнь воплощает в любовь высочайшие задания Владимира Соловьева и гностиков; превращает абстракции в жизнь, а Софию – в Любовь; и низводит нам прямо в душу странные концепции Василида и Валентина⁴, связывает туманнейшие искания древности с религиозно-философским исканием наших дней; специфические любители поэзии этой образуют кружок; в нем встречаются с поэтами-модернистами одинокие философы, мистики, представители старообрядчества и сектантства (как покойная А. Н. Шмидт⁵).

Муза Блока? О ней он сказал: «*Ты лазурью сильна. Ты прошла голубыми путями*»⁶.

Блок полюбил «голубые пути» своей Музы земной любовью: «Тайно тревожна и тайно любима – Дева, Заря, Купина»...⁷ Дни его – «*ворожьбой полоненные дни*»⁸; с первых моментов Ее появления Она вызывает в душе его личную страсть; перенесение животноплотских отношений в сферу сверхчеловеческую есть, по Владимиру Соловьеву, «*сатанинская мерзость*»; перенесения этого в поэзии Блока нет, но двойственность есть; эта двойственность отзывается утонченным хлыстовством, некоей тайной, тонкой мистической «*прелестью*», Лучезарной издалека и душно-мутной вблизи; мутную полосу хлыстовских радений последнего времени уловил здесь поэт; и туман, поднимающийся в подсознательной жизни России, воспринял он *голубоватой далью*; и грязно-красную *ауру* увидел стыдливой зарей. Блок отмечал тонкое начало соблазна в изощрениях мистики, угрожавшей России, потому что он – поэт «*страшных лет*». Что прекрасная дама поэзии Блока есть хлыстовская богородица, это понял позднее он.

И когда Ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг⁹.

Синева его неба впоследствии оказалась туманом (вокруг и в душе), той невнятицей человеческих отношений, о которых он сам сказал после:

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,

⁴ Василид и Валентин – философы-гностики (II в.), их концепции были рассмотрены Вл. Соловьевым в статье «Валентин и валентиниане», опубликованной в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

⁵ Анна Николаевна Шмидт (1851–1905), нижегородская журналистка, автор религиозно-мистических сочинений (опубл. в 1916 г. С. Н. Булгаковым), состоявшая в переписке с Вл. Соловьевым и считавшая себя его духовной ученицей и воплощением Софии. Андрей Белый встречался со Шмидт осенью 1901 г. у Соловьевых (см.: *Андрей Белый. Начало века*. М., 1990. С. 135, 141–145).

⁶ Контаминация цитат из стихотворений «Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...» (1901) и «Ты прошла голубыми путями...» (1901).

⁷ «Станных и новых ищу на страницах...» (1902).

⁸ «Одинокий, к тебе прихожу...» (1901).

⁹ «К Музе» («Есть в напевах твоих сокровенных...», 1912).

Чьи глаза за тобою следят...
Есть дурной и хороший есть глаз,
Только б лучше ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил¹⁰.

Подсознательная раскачка стихий обусловлена влиянием, обнаруживающимся между идеальными началами души и природными; у поэта *единство* духовное облекается в душу; облегчение преобразует стихии; по образу и подобию их совершается отбор элементов внешней природы; описание природы поэтом есть всегда *мимикрия*, природа здесь в сущности – стихийное тело душевности: краски этой природы суть на самом деле не краски, а нечто глубинное; и анализ того, как поэты видят природу, есть анализ всегда подсознательных, *«неизвестных, играющих сил»*, лежащих за порогом сознания поэта и явственных критику; в поэтическом пейзаже, в цветах пейзажа выявляется подлинный цвет тех глаз, о которых поэт говорит: *«Чуешь ты, но не можешь понять, чьи глаза за тобою следят»*. Для решения реального цвета глаз Музы Блока, заявляющей о себе, что она *«лазурью сильна»*, обратимся к фактическому материалу природы в поэзии Блока. Муза Блока дана нам в стихиях природы конкретнее, нежели в заверениях Блока о том, что она есть то-то и то-то.

Она облекается в свет (*«в луче божественного света улыбка виделась Жены»*), облекается в солнце (*«и Ясная, Ты [с] солнцем потекла»*); облекается в воздух (*«е тихом воздухе тающее, знающее... Там что-то притаилось и смеется»*), течет в грудь *«огнем небесных вожделений»*; она слита со стихиями; они – органы ее жизни; эти органы жизни ее проливают жизнь в организм поэтической пульсации Блока. Ключ к раскрытию духа единства поэзии Блока в изучении многообразия проявления ее жизни в стихиях.

¹⁰ «Есть игра: осторожно войти...» (1913).

III

Интересно. Согласно статистике, небо Пушкина – *небосвод*; *пламенная твердь* – у Тютчева; пушкинское *ночное светило* есть начало тревожное, женское; оно – луна в облаках; миротворен *месяц* у Тютчева; чаще он – золотой; никогда не бывает серпом; *месяц* Блока – *серебряный серп*. И т. д.

Интересны скачки в перемене блоковского пейзажа, зависящие от Ее появления издали пред поэтом, Ее приближения и Ее осознания поэтом.

Вот период, предшествующий явлению Ее лика: и безрадостна в нем природа: *солнечный шар* его зноен – палит мозг поэта; ветер воет; вода то бунтует, то *тихо* течет; огня мало; из четырех стихий перевешивает земля; день – тоскливый, холодный; ночь – безжалостна: и темна, и глуха, и мертва.

Появилась Она (1901–1904 гг.). И поэту вот кажется, что Она – вся «лазурь». Но как вспыхнуло все вокруг от *лазури* Ее в нем огнем. И отразилось в природе: «Огни *горят*», «*Красная тайна... легла*», «Каждый конек на узорной резьбе *красное пламя* бросает к тебе», «*Ты в алом сумраке ликуя...*» и т. д.; но алость ту называет поэт *лучезарностью*; в именовании *цвета божественным светом жены* совершается роковая подмена; вместо страсти к реальной «жене», вместо горнего устремления к Идеалу – смешение идеала и страсти; идеал вызывает в поэте огромные взрывы стихий: «*Звонит и буйствует природа, Я – соучастник ей во всем*». Буйство природы, перенесенное в религиозное стремление, есть хлыстовство. Тончайшие начала его соблазнительно вскрыты у Блока; Блок в истории русской жизни оказался сейсмографом, повествующим о взрыве стихий.

Взрывы «мистики» начинаются беспричинным избытком стихийности; и ночь оживает, сияет; и *сияя*, наполняется *странной вестью и шорохом*. А тоскливые дни – *благословенны* теперь: *велики и ясны*, угасая, смеются они *розоватыми* зорями; скудный воздух теперь преисполнен *надежд, вздыханий*; и земля – не пустынна: земля – *голубая, зеленая*, разливается всюду теперь прежде еле мерцавший огонь *небывало-гремящей сферой*. Огонь доминирует над стихиями; а земля покрывается разливом певучей воды, разбивающей льдины; испарения этой воды – голубоватый туман – придает расплывчатость контурам весеннего пейзажа; он теперь – «*синева*»; *синева* называется «*небом*»; что *синева* эта – пар, а не небо, вскрывается после.

Таковы объективные данные пейзажа у Блока на основании статистики материала; бунт стихий, укрываемый в мягкости *синевы* и розоватости зорь; *голубое, синее, красное* – теперь Цвета Блока; и они моделируют его ауру.

IV

Взрыв мистических сил очень часто кончается срывом: воздыханья радений ведут нас к падению. Соединение далекого образа Музы Блока со стихийной жизнью поэта производит в нем впечатление, будто образ Ее вдруг ушел от него (а на *самом деле* вошел в него): тут обычная душевная аберрация (выхождение темных сил из души очень часто выглядит извне нападением).

Вторую книгу стихов открывает признание: «*Ты уходишь... без возврата*»¹¹. Дух души Ее отлетел от поэта; душа Ее ему кажется Нежитью, Незнакомкой и Маской; этой Маской завладели стихийные силы, шепнув поэту, что Она – Проститутка. Грех недолжного возведения Музы Блока во Владычицы мира отягчается ныне грехом недолжного втоптанья Ее в грязь; это все оттого, что она – не София, не Маска, а женственная душа нашей матери-родины, испытывающей муки рождения своего бытия в грядущих годах: Муза Блока – Россия. К открытию Ее имени Блок придет в третьей книге.

А пока ему открывается, что она не София; Она – только Маска; стало быть, Ее нет: «*Мы – одни*», «*Мы забытые следы чьей-то глубины*»; просветленное пенье страстей от узнания этого, упдая, стремится к темнейшим истокам; от темнейших истоков стихий поднимается ржавчина; слово «*ржавый*» типично в периоде этом: *ржавый* воздух и *ржавое* болото...

«О, исторгни ржавую душу!»¹² —

воскликает поэт.

Все разливы огня пропадают; огонь – не огонь: огоньки городов и болот; потухает заря, становясь лишь «*полоскою*», доминирует явно вода. Но какая вода? Не – *разлив* первой книги – гнилое «*болото*»; «*болото*» проходит по книге; в болотном тумане меняется все: не *золотая межа* первой книги стоит перед нами, а *проталины, кочки, пеньки, гати, тали в туманов развалины* (все любимые слова Блока!); в них – остатки былой *синевы*, неопределенно смешавшихся с красными зорями то в *лиловые*, а то в *оловянные* тоны («*Фиолетовый запад гнетет, как пожатые десницы свинцовой*»). Словом, небо,

Устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан моих,
Упало в *болото*¹³.

Где ж Прекрасная Дама?

Она не придет никогда!
Она не ездит на пароходе!¹⁴

Характерно преобладанье болота: вода – сладострастие; и его весенний разлив в первой книге «*небесное возделенье*»; зацветание гнилью болота есть болезнь нашей страсти.

Я не люблю пустого словаря...

¹¹ Имеется в виду стихотворение «Ты в поля отошла без возврата...» (1905).

¹² Там же.

¹³ «Ночная Фиалка» (1906).

¹⁴ «Поэт» («Сидят у окошка с папой...», 1905).

«Ты мой». «Твоя». «Люблю». «Навеки твой...»
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь...»
Назавтра я *уйду*.
Я гнал ее далеко...
...Кричал и гнал
Ее, как зверя...¹⁵

Солнце жизни остыло; источник стихийности – солнце – кривит свой *«приученный лик...»*. *«В этом мире солнца больше нет!»* – восклицает поэт; наступает ночь – смерть стихий. Поэт бежит в город: *«в кабаках, в переулках»* он ищет забвенья. В нем замерзла стихия воды: стала снегом и льдом. Так, стихийное, испепеленное тело поэзии Блока уносится в ночи метелью.

Размечу твой легкий пепел
По равнине снеговой¹⁶.

Тема *«Снежной маски»* проходит пред нами в изысканных ритмах. Смерть болящих стихий отрезвляет поэта. В третьей книге стихов – второй день его Музы. Он восходит не *красными, а желтыми* зорями; и уже не в былой синеве, а в холодном, далеком, *зеленом*, стеклянном воистину небе. Боттичеллиевская двуличная нежность природы у Блока сменяется *мантеньевским* четким контуром. Пропадает вольный размер и неестественное обилие пляшущих у Блока хореев; обилие четырехстопного ямба, которым ритмически силен поэт, налицо; пропадают нечеткости рифм второй книги (прорубью – поступью, полюсом – поясом, подворотни – оборотня, человечей – плечи и т. д.).

Замечательно, ритм и метр поэзии Блока напечатлевают вполне перелом второй книги; и ломаются с ним. Нежнейший у Блока трехстопный анапест наименее представлен здесь именно; неестественный Блоку хорей, наоборот, здесь удвоен; музыкальнейший ямб не представлен почти (только 40 ямбических стихотворений вместо 100 первой книги и 95 второй). Угасанью стихий и пейзажа соответствует угасание метра и ритма.

Этот ритм, этот метр полновзвучны опять в третьем томе, являющем Блока пред нами воистину русским; он рисует уже не соблазны, а *«страшные годы»* России. Покрывало с *«Имени»* сорвано; названо Имя: Россия.

¹⁵ Неточные цитаты из стихотворения «В дюнах» (1907).

¹⁶ «На снежном костре» («И взвился костер высокий...», 1907) из цикла «Снежная маска».

V

Блок – поэт *русский*.

Самосознание *русского* – в соединении природной стихии с сознанием запада; в *трагедии* оно крепнет: предполагая стихийное расширение подсознания до групповой души Руси, переживает оно расширение это как *провал* в подсознание, потому что самосознание *русского* предполагает рост личности и чеканку сознания; самосознание *русского* начинает рождаться в трагедии разрывания себя пополам меж стихийным востоком и умственным западом; его рост в преодоленье разрыва. Мы конкретны в стихийном; абстрактны в сознании; самосознание наше в духовной конкретности.

Может быть, Хомяков, Данилевский, Аксаков и *русские* – в подсознании; в идеологии – нет; идеология их искусственна: она – вытяжка из конкретно возникших западноевропейских идей – вытяжка *для России*; в идеологии западника более конкретны русские; славянофилы суть западники в дурном смысле слова. Славянофильская абстракция Тютчева перепортила Тютчеву ряд стихов: в нем художник с мыслителем только смешаны, а не слиты: *русского* самосознания нет в поэзии Тютчева.

Первоначальный рост музыки Блока есть безмерное расширение стихий: *разлив русских вод*; их весеннее таянье; наоборот, духовное начало поэзии осознает Блок абстрактно; не Небесная Мудрость стоит перед нами: стоит перед нами *София* Александрии (и даже: упадочной Византии), окруженная «храмами», «красною позолотой», лампадками, даже русскими «теремами». Здесь сознание Блока абстрактно: оно складывает ему византийский «*style russe*»¹⁷, оживляемый не огнем небесной стихии (потому что стихия огня выше воздуха и воды; и она пламеносный эфир, образующий, по Лукрецию, *пылающие стены вселенной*)¹⁸, – нет: абстрактное сознание Блока разогревается им не эфирным огнем живой мысли, а огнями болотных страстей: оживление византийского Лика у Блока не сверху, а снизу; оживление его в хлыстовстве, в сектантстве.

¹⁷ русский стиль (*фр.*).

¹⁸ Образ из космогонической поэмы Лукреция Кара «О природе вещей» (кн. I, ст. 73).

VI

Славянофилы – сектанты России. Начало поэзии Блока в произвольном славянофильстве; необычайный разлив русских вод, превышающий своим ярким порывом порывы славянофильства, ломает в поэзии Блока византийско-хлыстовский «*style russe*», обнаруживая довизантийскую бездну России, ту древнюю бездну, в которой ломается в нас представление *русский* в многообразии голосов; эти «*попки*», «*чертенята*» второго этапа поэзии суть не русские, а Радимичи, Вятчи, Кривичи; Блок в стихах древнее славянофилов: Кривич он; и его Прекрасная Дама какая-то Кривичская дева, переряженная в пестрый наряд, состоящий из современных заплат, наскоро наброшенных Блоком на византийское рубище; в таком виде она перед нами какая-то ряженая; литургия Небесному Лику кончается в Блоке *славянскими святками* на болоте; и Блок бежит в город: становится западником; в славянофилах отсутствует осознание до дна темной древности корней русской жизни; нет трагедии, нет конкретной муки сознания, заставляющего воистину русского видеть в западном росте личности совершенно конкретную опору сознания в борьбе со стихиями.

Славянофильский лик Музы разоблачен в Блоке Блоком: не София он, не Россия, а древняя, темная Русь, т. е. сонное марево:

Что же маячишь ты, сонное марево?¹⁹

Вместо сонного марева видит он другой лик России:

Там чернеют фабричные трубы;
Там заводские стонут гудки²⁰.

Лик *Кривичской красавицы* разбоен для Блока, и он восклицает:

Какому хочешь чародею
Отдай *разбойницу* красу.

Эта разбойная Русь, где

Чудь начудила да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых²¹,

должна трагически просветиться, очиститься, чтобы групповое, стихийное, древнее в ней начало возвысилось до соединения с Небом (вне-национальным) и стало Душою России, огромной России, в которой мы ныне живем. И Блок верит, что отдавание *разбойной* красы иному началу приведет к просветлению:

Не пропадешь, не сгинешь ты —

в этой вере в грядущее *правая* вера в Россию, соединенная с *западнической* критикой ее темных низин.

¹⁹ «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» (1910).

²⁰ «Новая Америка» («Праздник радостный, праздник великий...», 1913).

²¹ «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..».

VII

Блок двояко трагичен в смешении России и Руси, в смешении личной страсти с служением родине. Осознание это ломает поэзию Блока; вместо России увидел он Мерю да Чудь; вместо Невесты – цыганку («А монисто бренчало, цыганка плясала и визжала заре о любви»)²²; осознание это ужасно для Блока («Так вонзай же, мой ангел вчерашний, в сердце – острый французский каблук»)²³; и *трагедия* трезвости вырывает признание:

И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других²⁴.

Признание это чуждо славянофильству: *славянофильство играет с огнем*.

Молчите, проклятые книги.
Я вас не писал никогда!²⁵ —

ставит Блок свою последнюю точку на «славянофильском» периоде; тем не менее он с Россией:

Наша русская дорога,
Наши русские туманы.
Наши шелесты в овсе²⁶.

Осознание *темных страстей* превращает разлив древних вод в замерзающее болото и в *снежную маску*, но *тайный жар* стихов Блока остался:

Их *тайный жар* тебе поможет жить²⁷.

В чем же *жар*, когда все замерзло для Блока: воздух, воды, земля? В огне неба, в Лукрециевых «*пламенных стенах вселенной*»: в сознании русского, что судьбой его родины должна быть судьба лишь *небесная*, не земная, языческая. Трагедия перенесения Лика России из прошлого в искомое будущее просветляет *разбойное* в нем начало, почти убивает:

Под насыпью во рву некошеном
Лежит и смотрит, как живая²⁸.

Не умерла она, судьба родины, судьба женщины русской (для Блока до сей поры родина олицетворяется с им любимым и женственным ликом):

²² «В ресторане» («Никогда не забуду (он был, или не был...», 1910).

²³ «Унижение» («В черных сучьях дерев обнаженных...», 1911).

²⁴ «Есть игра: осторожно войти...».

²⁵ «Друзьям» («Друг другу мы тайно враждебны...», 1908).

²⁶ «Последнее напутствие» («Боль проходит понемногу...», 1914).

²⁷ «О, нет! Не расколдуешь сердца ты...» (1913).

²⁸ «На железной дороге» (1910).

Убралась она фатой из пыли
И ждала Иного Жениха²⁹.

Не царевича в парчовом кафтане она ожидает: Христа. «Царевич» – славянофильская тенденция Блока – мог ее только смять:

Ты сомнешь меня в полном цвету
Белогрудым, усталым конем³⁰.

Явление грядущего, искомого Лица встает перед Блоком теперь не из сусально-прекрасных пейзажей, а из зарева «страшных лет» русской жизни.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!³¹ —

пишет он за четыре года до наступления этих лет.

В нашей жизни по-новому разлились все начала стихии древней Руси: *радение* соединилось с татарством в образах темного, восточного бреда; а извне опрокинут на нас своей грозной стеной «запад» прусского милитаризма. Еще более сознаем неизбежность мы соединить в себе *добрый запад* (просвещение гуманизма) с «востоком Христа»³², чтобы мочь победить образы Ксеркса и Бисмарка, образы радеющего начала и прусского милитаризма; победа в самознании нашем; но к трагедии русской действительности ближе всего Муза Блока; в трагедии *отрезвления* соединяемся с Блоком мы; здесь в трагедии этой, а не в романтике «культы Руси» он русский, воистину русский: единственно *русский* поэт среди всех модернистов; разбивая в нас образ сусальной России, рисует он нам другой вещий образ: победной России:

И когда наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда³³.

²⁹ Неточная цитата из стихотворения «За гробом» («Божья мать Утоли мои печали...», 1909). У Блока: «от пыли».

³⁰ «Мой любимый, мой князь, мой жених...» (1904).

³¹ «На поле Куликовом» («5. Опять над полем Куликовым...», 1908).

³² Парафраз последней строки стихотворения Вл. Соловьева «Ex oriente lux» («С Востока свет, с Востока силы!..», 1890).

³³ «На поле Куликовом» («3. В ночь, когда Мамай залег с ордою...»).

VIII

Александр Блок – наиболее певучий поэт, осуществляющий музыку своих ритмов и красок, словесной инструментовки непредвзято, непроизвольно: аллитерации и ассонансы других модернистов все еще сидят на внутренней пульсации как-то внешне; и – отстают, как броня; расположение, сочетание блоковских слов непроизвольно сливаются с внутренним ритмом поэзии; чисто блоковские *повторения* слов, игра повторений – выражение ритма Музы, ищущего в повторениях *все того же во многом* единства многообразия:

Такой прозрачной глубины
Не видно никогда,
Такой глубокой тишины
Не слышно никогда³⁴.

Или:

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном³⁵.

(Повторение «так» здесь усилено параллелизмом глаголов). Богатейший ритм Блока естественно как-то пульсирует внутренней рифмой:

Запевающий сон, зацветающий цвет.
Исчезающий день, погасающий свет³⁶.

Многообразие сон, *цвет, день и свет* соединяется внутренней рифмой в некое музыкально ощущаемое *единство много-Различий*. *Неуловимое* в четком слове осуществляет себя уловимо в напевности: внутренняя рифма могучее орудие поэзии Блока; еще более могучим орудием являются ассонансы ударных гласных; например: «бисер нижет, нити вяжет» (и-и-и), где кроме ассонансы на и есть еще звуковой параллелизм (би-ни-ни... и, ни-жет – вя-жет); и «И веют древними поверьями» (е-е-е); «жду я Прекрасной Дамы в сияньи красных лампад» (ааяаа); «еще пост и ходит кто-то» (ио-ио-о-о) «струйную» игру (у-у) и т. д.; интересны у Блока звуковые прогрессии и регрессии: «Я знаю: Ты здесь. Ты близко» (аеи); «Манили страстной дрожью звуки» (иаоу); иногда у Блока целые строфы образуют звуковые группы ассонансов; например:

Смолили тяжелые челны (и-ио-ио)
Река, распевая, несла (а-а-а)
И синие льдины, и волны, (и-и-о)
И тонкий обломок весла (о-о-а)³⁷.

³⁴ Неточная цитата из стихотворения «Свирель запела на мосту...» (1908). У Блока: «...Не видел никогда <...> Не слышал никогда».

³⁵ «На весеннем пути в теремок...» (1905).

³⁶ Первые строки стихотворения (1902).

³⁷ «Мне снились веселые думы...» (1903).

«Иоа» образуют здесь три ассонирующих группы; иногда ассонанс соединяется у Блока с внутренней аллитерацией:

*В золотистых перьях тучек
Танец нежных вечерниц...*³⁸

(«ти-ты-ту-та» и «не-не-ны-ни»).

Еще более богата поэзия Блока аллитерациями; многообразием мягких аллитераций залит первый том; очень много аллитераций на «б» в сочетании с «л», с «ми» и с другими согласными:

*Брожу (брж) в ст-енах жона-стыря (ст-ст-на-на)
Безрадостный (бэр) (ст) (ный) и темный (ный) иннок (ин)
Чуть брезжит бледная заря (бржж-бэр)
Слежу мелькания снеж-иннок (слеж-слеж, кания-иннок)*³⁹.

Четверостишие инструментально произвольно тремя группами звуков: «бржз» – «ст» – «иннок». Аллитерация на «бл», кажется, преобладает у Блока вначале: «Облака *небывалой* улады» (бл-бл-л); особенно много аллитераций на «л», свойственных русской речи: «*Смолили* тяжелые челны» (лллл); аллитерация часто сопровождает смысл стихотворной строки; так, при изображении кашля старика: «где-то полет с крыши... где-то кашель старика» (г-ка-к-г-ка-ка); но замечательно: многообразие мягких, плавных, расплывчатых аллитераций по мере того, как трезвеет трагически самосознание Блока, – обилие это сменяется поражающим обилием твердых звуков «рдт», звук ломающих ледышек замерзшей стихии у Блока: воды. Твердость аллитераций на «рдт» соответствует появлению мантеньевской сухой четкости в пейзаже у Блока, соответствует строгой крепости стихотворной строки, соответствует трезвости крепнущего самосознания. «*Рдт-дтп*» пробегает по третьему тому стихов (смотри страницы: 111, 113, 114, 127, 128, 137, 145, 150, 154, 155, 157, 164, 164, 165, 166, 167, 169, 170, 170, 171, 172, 172, 172, 173, 174, 175, 175, 175, 175, 177, 178, 179 и т. д. и т. д.). Пример? Сколько угодно: «Я пригвожден к трактирной стойке» (рдтррт), «мертвец, родной души народной» (ртрддрд), «стрелой татарской древней воли» (трттрдр), «взял гитару на прощанье и у струн исторг» (трр-тртр), «кудри ветром растрепались» (дртррт), «дух пряный марта» (дррт), «три стертых треплются шлеи» (тртртт); я бы мог примерами этими заполнить ряд страниц; но читатель поверит мне на слово: на «рдт» – инструментована третья книга стихов.

Инструментовка поэтов бессознательно выражает аккомпанирование внешней формой идейного содержания поэзии. Характерно: любимая аллитерационная группа поэзии Баратынского на «пр»; «пр» пробегает по всей поэзии Баратынского. Что в ней «п»? Что в ней «р»? «П» выражает собой плотность, косность материи; плотность природы. «Р» характеризует динамику духа, стремящегося разорвать эту обставшую плотность: «р» рвет материю; и «про» есть живописание звуком слова прорыва природы. А у Блока стремление духа (то же «р» Баратынского) разорвать «дт»: в звуке слов на «дт» что-то есть упдающее и в падении замерзающее: упдание водных стихий, замерзающих в лед и снег; «рдт» выражает собою прорыв самосознания Блока к духовному центру чрез застылые льдины страстей; в «рдт» форма Блока запечатлела трагедию своего содержания: трагедию отрезвления – трагедию трезвости. В черном небе у Блока, *стеклянно-зеленом* к закату, резкий ветер протреплет *стеклянные струи* дождя; и сквозь дождь нам зловеще глядятся его страшные *желтые* зори; страшные годы России

³⁸ «Светлый сон, ты не обманешь...» (1904).

³⁹ Первая строфа стихотворения (1902).

отвердели над Блоком; самосознание силится их изорвать; и раздается в трескучий, трезвонящий хруст его формы; в *ер-де-те* – внешнее выражение мужества и *трагедии трезвости*.